

Хорошо молодым птичкам летом в лесу. Летать они уже научились, погода стоит отличная, еды вдоволь. И весело, и сытно. Синичка Лазоревка затеяла с подружками игру в салки, но вдруг заметила, что молодые чижики, щеглы да корольки сбились в стайку, расселись на веточках старой берёзы и слушают кого-то. Подлетела поближе. Смотрит: а это красногрудая Зарянка, перелётная птичка, про свои путешествия рассказывает. В каких только странах она не побывала, чего только не повидала!

— Эх, — протенькала Лазоревка, — хорошо вам, перелётным птицам. А я, кроме родного леса, нигде не была.

— Кто ж тебе путешествовать мешает? Вот я недавно в Москве гостила. Там столько всего интересно! Один Кремль чего стоит: колокольни высоченные, башни да дворцы красивые. Кому же путешествовать, как не вам, синицам. У вас везде родственники есть. И приютят, и накормят, и экскурсию по городу проведут.

Подумала-подумала Лазоревка и решила: «А ведь права Зарянка! Крылья у меня сильные да быстрые. Почему бы не слетать в Москву, не поглядеть на московские чудеса?» Сказано — сделано. Попрощалась Лазоревка с мамой и подружками, разузнала у Зарянки дорогу и отправилась в путь.

Коломенское и Царицыно

Долго летела Лазоревка из родного леса в Москву. А когда долетела, растерялась. Как найти Кремль? Ах, вот же он, сияет на солнышке расписными теремами! И посмотреть его хочется, и жажда замучила. Спустилась Лазоревка к ручью и услышала приветливое теньканье.

— Здравствуй, сестрица! Как тебя зовут? Зачем пожаловала? — приветствовала Лазоревку маленькая белощёкая синичка в чёрной шапочке.

— Я в лесу живу, зовут меня Лазоревкой. А ты кто?

— Я Московка.

— Московка? Значит, ты про Москву всё-всё знаешь?

— Конечно, я везде летаю и буду рада тебе всё здесь показать.

Синички вспорхнули над ручьём и подлетели к церкви, что стояла на высоком склоне. Московка уселась на купол, Лазоревка пристроилась рядом. Ох и красота вокруг! Внизу река, которая называется, как и город, Москва. За ручьём — церковь белоснежная, на шатёр похожая, палаты белокаменные, дома деревянные.

— Это — Коломенское, — повела крылом разговорчивая Московка.

— А там, за садом, — Кремль?

— Что ты! Кремль от Коломенского далеко.

— А что ж там за дом чудный? С башнями и теремами?

— Это — царский дворец, часть нашего музея-заповедника.

— А что такое заповедник? — поинтересовалась Лазоревка.

— Место, которое надо беречь и охранять: две с половиной тысячи лет назад здесь уже жили люди. Коломенское — самое древнее место столицы! В XVI веке здесь было село Дьяково, от него осталась церковь. А рядом, погляди-ка, колокольня самого известного храма в Коломенском — церкви Вознесения. Говорят, её построили в честь рождения царя Ивана Грозного.

Лазоревку немного напугало прозвище царя — Грозный, поэтому она поспешила сменить тему.

— Эти церкви две с половиной тысячи лет стоят, а как новенькие!

— Что ты! — рассмеялась Московка. — От тех поселений, что стояли тут тысячи лет назад, остались только два камня в Гóлосовом овраге: Гусь-камень и Девичий. Им люди в древности поклонялись. Летим, я тебе камни покажу и дуб, которому 600 лет...

— Вот так дерево! В нашем лесу дубы тоже растут, но таких огромных я никогда не видела, — поразила Лазоревка.

— Под этим дубом царь Пётр I учился грамоте. А рядом его домик и памятник этому царю.

— Почему же великий правитель в таком маленьком домике жил?

— Это временный домик. В нём Пётр прожил два месяца, пока наблюдал за строительством крепости

на берегах Северной Двины. Оттуда его и перевезли. А в Коломенском стоял дворец царя Алексея Михайловича, отца Петра I. Дворец до наших дней не сохранился. Зато уцелели Передние ворота Государева двора.

Не сразу удалось Лазоревке ворота как следует рассмотреть: её напугал огромный чёрный кот. Он развалился на дорожке и поглядывал на синичек хитрыми жёлтыми глазками.

— Не обращай внимания, — пропела Московка, — он тут всегда лежит, льва из себя изображает.

Во времена, когда в Коломенском жил маленький Пётр, перед воротами стояли четыре металлических льва. На них были надеты шкуры — поэтому они казались настоящими. В определённое время львы громко рычали, пугая тех, кто не знал о специальном механизме, спрятанном над воротами. Представляешь, кот услышал об этом от экскурсоводов и теперь считает себя потомком львов!

— Московка, что-то я понять не могу. Ты сказала, дворец Алексея Михайловича не сохранился. А там, за садом, разве не его дворец? Тот, что я за Кремль поначалу приняла?

— Старый дворец и правда не сохранился, но по его образцу недавно построили новый. Давай покажу!

Облетели синички вокруг дворца, в открытые окна заглянули, любовались убранством царских палат.

— Ой, ты только посмотри, на столе чудный дом с башнями, весь белый, — восхитилась Лазоревка.

— Это не дом, а Кремль. Он сделан из сахара. Точно такой был изготовлен для пира в честь рождения Петра I.

— Из сахара? Можно я его попробую?

— Что ты! Это же музейный экспонат!

— Ладно, не буду Кремль клевать. Получается, в Коломенском жили все московские цари? — спросила Лазоревка.

— Нет. Хотя приезжали частенько и императрица Екатерина II, и император Александр I. Но Екатерине больше Царицыно нравилось. Полетели туда, тут недалеко.

Дорога из Коломенского в Царицыно оказалась недолгой, но уставшая Лазоревка обрадовалась, когда они с Московкой опустили на зелёную травку у Царицынского пруда. К берегу подплыли утки, гусь и два красавца-лебедя. Они крякали, гоготали и шипели, наперебой стараясь рассказать как можно больше о Царицынских прудах.

— У нас целый каскад прудов: и Верхний, и Средний, и Нижний.

— В старину пруды делали не только для красоты, но и чтобы рыбу в них разводить. Наши пруды по всей Москве славились: тут 14 видов рыб водилось — от окуней и карасей до щук, стерлядей и осетров. Нравилась Екатерине II наша рыбка!

— Ах, соседка утка, ты не совсем права. Пруды не только для разведения рыбы делали, но и для нас, водоплавающих птиц. Мы, можно сказать, были придворными дамами и кавалерами! Для наших прогулок острова насыпали, нами любовались, зерном нас подкармливали.

Московке не очень понравились непрошенные помощники: она сама хотела рассказать подружке о Царицыне.

— Летим дальше! Сейчас увидишь дворец!

Лазоревка издали заметила красивое здание с закруглёнными углами.

— Я нашла дворец!

— Нет, это Хлебный дом.

— Там хлеб пекли, поэтому дом Хлебный?

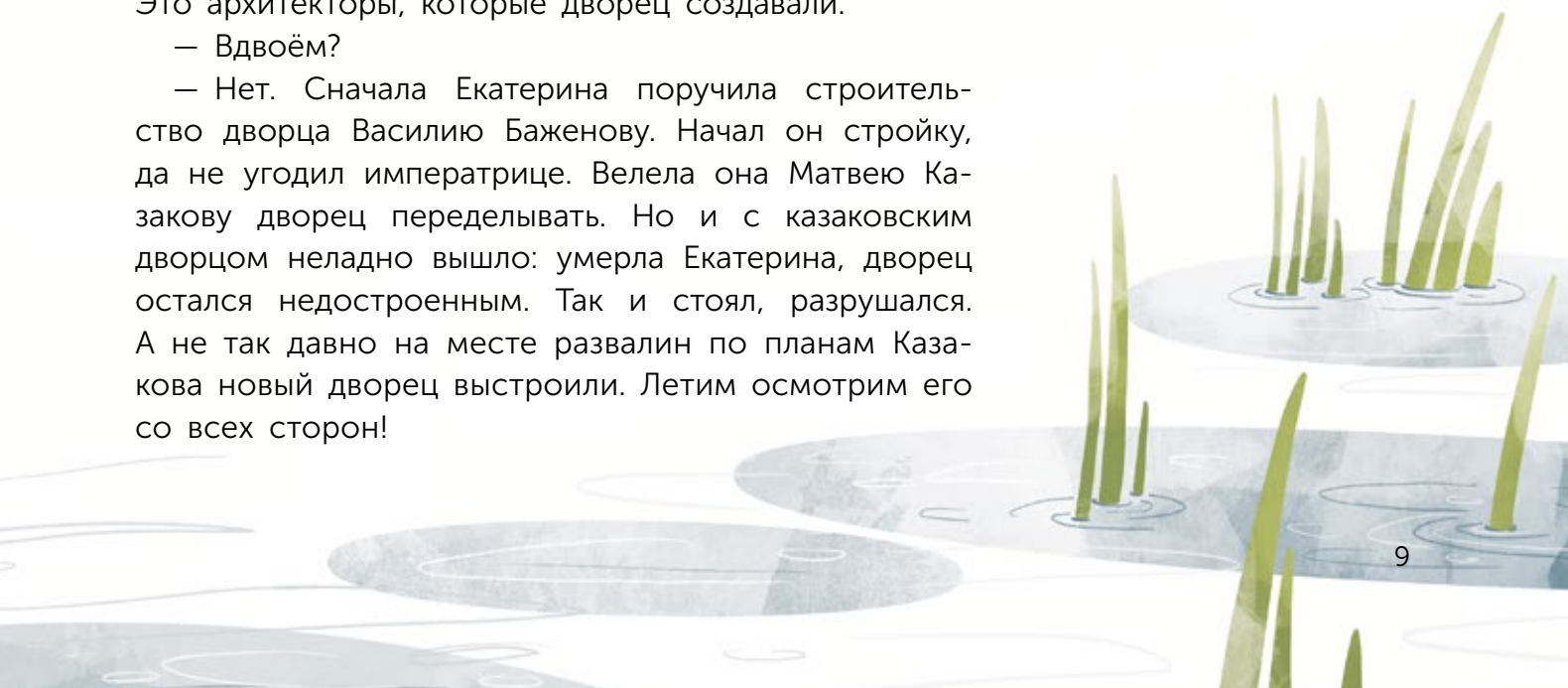
— В нём должны были размещаться кухни, поэтому его украсили лепными изображениями каравая и солонки, вот и Хлебный. А Большой Царицынский дворец — рядом.

— И как я его сразу не заметила! Он огромный, яркий и нарядный. Хорошо в нём императрице Екатерине жилось?

— Никак ей тут не жилось, — покачала головкой Московка. — Дворец неудачником оказался. Вон, видишь, памятник, два человека в старинных кафтанах? Это архитекторы, которые дворец создавали.

— Вдвоём?

— Нет. Сначала Екатерина поручила строительство дворца Василию Баженову. Начал он стройку, да не угодил императрице. Велела она Матвею Казакову дворец переделывать. Но и с казаковским дворцом неладно вышло: умерла Екатерина, дворец остался недостроенным. Так и стоял, разрушался. А не так давно на месте развалин по планам Казакова новый дворец выстроили. Летим осмотрим его со всех сторон!

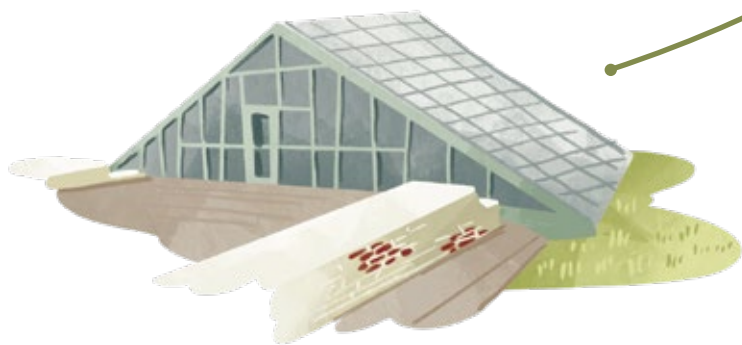

Коломенское

М Каширская

1. Домик Петра I
2. Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове
3. Казанская церковь
4. Водовзводная башня
5. Задние ворота
6. Дворцовый павильон 1825 года

ГОСУДАРЕВЫ ЛЕДНИКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА)

Холодильники тогда ещё не изобрели, поэтому на царской кухне их не было. Для длительного хранения продуктов использовали каменные погреба, которые ранней весной наполняли льдом с Москвы-реки.

ДВОРЕЦ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА (1666–1671, ВОССТАНОВЛЕН В 2010 ГОДУ)

Терем отца Петра I называли «восьмым чудом света». В доме было 3000 окон и 270 покоев. И это неудивительно: царь за 46 лет жизни стал отцом 16 детей — десяти девочек и шести мальчиков. Петр I был в семье 14-м ребёнком!

ЦЕРКОВЬ ВОЗНЕСЕНИЯ (1528–1532)

Эту церковь использовали не только для богослужений, но и как сторожевую башню. Дозорные принимали с другого берега Москвы-реки сигналы об опасности и с помощью факелов или зажжённой бересты передавали их дальше.

